

ТОЧНОЕ ПОПАДАНИЕ

Глава 1

ТОЧНОЕ ПОПАДАНИЕ

— Это она? — В бесплотном и каком-то бесполом, не мужском и не женском голосе явственно слышалось натуральное сомнение покупателя, пришедшего на базар в надежде найти по дешевке чистопородного щенка.

— Ага. Единственная, больше в мирах нашего уровня не осталось, всех извели, да и размножаются они плохо... — прозвучал ответ с явным призывом в голосе обиды из-за отсутствия радости по столь уникальному поводу, как явление самой натуральной «её». — Ты просил, вот я и нашёл.

— Урбанизированный мир. — Сомнение, неуверенность и неприязнь прозвучали четче. — Если забирать, это же нарушение Закона постоянства пребывания.

— Закон, он для живых создан, а у нас все равно другого выхода нет, — наставительно заметил второй голос с интонациями завязанного сутяжника и прибавил почти иронично: — Не в Совет же тебе запрос посылать: «Никого нет, пришлите ради Творца!»

— Нельзя, осудят, а если и дадут, то лет через пятьсот, а то и больше. Их же и на других уровнях дефицит, а нам ждать долго нельзя... — снова послышался скорбный вздох. — Ну, что ж, раз эта единственная... — очередной вздох побил все рекорды по содержанию массы сожаления на отдельный звук. — Придется ее...

Когда в голове или где-то вне ее ни с того ни с сего раздалась таинственный голоса, я (ручаюсь!) не спала, не читала и ничего тяжелого на черепушку не роняла. Мало ли что в пограничных для психики состояниях пригрезиться может! Напротив, деятельность моя носила вполне рациональный характер. Судите сами: девушка, уже одетая для цивилизованного выхода в свет, торопливо шинковала редиску на салат, стремясь только к одной вполне практичной цели — как можно быстрее изрезать овощную фигну и бежать с подругой в кино на очередной крутой фильм с Милой Йовович. (Этой рыжей теткой с хрипло-пропитым голосом записной алкоголички и такой физической формой, о которой мне и не мечталось, я искренне восхищалась с толикой белой зависти.) Словом, галлюцинациям и фантазиям

в данный момент моей жизни было не место, однако они явились, не спросив официального разрешения.

Я машинально продолжала строгать редис и слушала идиотский диалог, при этом почему-то была совершенно уверена, что обсуждают мою персону. Как раз тогда, когда маленькое терпение лопнуло и я собралась вмешаться, дабы послать спорщиков подальше (если галлюцинация моя личная, значит, я ее и прекратить могу!), начало твориться нечто несусветное. Тело обволокло приятное тепло, потом я ощутила покалывание в конечностях, и мир покачнулся.

«А ведь ничего крепче чая с утра не пила», — успела промелькнуть обидная мысль.

— Не бойся, служительница, твой час пробил! — «подбодрил» незримый собеседник номер один с некоторой долей сомнения в голосе.

Почуяв, что творится что-то неладное, я еще успела одной рукой подхватить со стула сумку и куртку. Вовремя! Мир исчез в каком-то не то мареве, не то и вовсе небытии.

— Совет ждет только вас! — набатом прозвучал в голове суровый голос, явно подразумевающий куда более невежливое: «Где шляетесь, негодники!»

— Мы уже идем, — послышался поспешный ответ созданий, скрывающих за показной бодрой готовностью какую-то провинность. Я почувствовала себя игрушкой, которую ребенок прячет в укромном уголке, чтобы предъявить строгой воспитательнице совершенно пустые ладошки.

— Мы тебя скоро заберем, служительница, подожди пока здесь, — торопливо пробормотала пара голосов, и я оказалась выкинута на солнечную полянку в кругу деревьев.

Мягкая посадка на куртку состоялась аккуратно посреди поляны, а сверху по попе чувствительно поддала сумка, счастье, что не упала на ножик, который продолжала цепко сжимать рука. Я машинально сунула в рот редиску и, с аппетитом хрупя, огляделась по сторонам. Трава — зеленая. Цветы — кажется, незабудки, да еще какие-то желтые, как звать, не знаю, но у нас на даче такие встречала и даже выпалывала. Зато кусты и деревья... Блин, ботанику в институте как сдала, так и позабыть успела, но вроде бы половины из этих растений не видела ни в жизни, ни по телику — в передачах об экзотических странах.

Так куда меня зашвырнули эти психи и, главное, зачем? Идиотизм! Впрочем, пока — забавный идиотизм! Вряд ли кино окажется интереснее — почти миролюбиво рассудила я и спрятала нож в сумку. Вынуть всегда успею, но пока ведь никто не нападает, все тихо и благолепно, как в раю, даже птички, примолкшие было по поводу моего «визита», снова расщебетались, кузнечики стрекочут как заведенные, шмели жужжат. Красота, курортная зона! Вдохнув полной грудью свежий, полный ароматов трав, цветов, леса и спелой малины

воздух, я улыбнулась. Ну странно все происшедшее, так и что с того? В истерике биться? Так ведь странно — не значит плохо или страшно. Если у меня неожиданные глюки от пестицидной редиски — надо расслабиться и получать удовольствие, а если меня и в самом деле в какие-то теплые края перебросили, тем паче здорово!

Я ведь давно мечтала о жарком лете, солнце и зелени. Начало весны только манит обещанием тепла, но настоящего зноя еще ждать и ждать, а тут — все прелести жизни в один момент, словно по заказу. Как там проклинаят на загадочном Востоке? «Жить тебе в эпоху перемен!» А еще есть другое недоброе напутствие: «Пусть твои желания осуществляются». Так вот, пока ничего плохого в «сбыче мечт» я разглядеть не могла, может, потом проникнусь и соглашусь с мудрыми узкоглазыми гуру, а пока как же здорово! Ждать здесь, в мирном разнотравье, куда лучше, чем, к примеру, на Северном полюсе, у кратера вулкана или барахтаясь в океанской бездне.

Вот только интересно, за мной вернутся, как обещали, или эти ненормальные вообще позабудут, если не обо мне, так о том, куда меня кинули. Вдруг у них внимание рассеянное, как у белок, или еще чего из области психиатрии? Нет, заботу о себе посторонним людям доверять нельзя... Кроме того, есть мысль, что беседовали со мной вообще не люди, а... а кто? А хрен его знает. Ну и ладно! Пока неважно! Пожалуй, надо провести проверку местности. Нет ли тут еще и речки с песчаным пляжем? С прошлого лета не плавала... Размышляя, я машинально отдирала кору с выбранного в траве сухого длинного сучка. Приняв решение, не задумываясь поднялась на ноги и зашвырнула палку в ближайшие кусты, кажется, это был благоуханный малинник.

— О-уо, — явно прозвенел вопль боли, только уж больно тоненький, даже для ребенка.

Я вздрогнула и нахально скомандовала, пытаюсь сразу показать, кто в доме хозяин:

— А ну вылезай, шпион!

— Сию секунду, прекрасная магева, только не кидайся больше! — На полянку влетело, явно заваливаясь на один бок, удивительное создание размером с мою ладонь. Смесь человечка с мотыльком, крылышки радужные и легкие, сам тонкий, изящный.

«Вот так фигня! Одно ясно, у нас в парках такие не водятся, — отстраненно подумала я, созерцая местного представителя отряда чешуекрылых. — Ты, Ксюха, влипла куда-то по-настоящему!»

Наблюдатель закрыл ладошкой правую сторону лица, на которой наливался и распухал прямо на глазах сочный синяк.

— Ох, бедолага, это я, что ль, тебя так приложила?

— Прекрасная магева необычайно проворна, — пожаловался мотылек.

— Холодненького чего приложить, компресс сделать, — посоветовала, шаря в карманах в поисках платка. — Тут ручей какой-нибудь имеется, чтобы тряпочку смочить и компресс сделать?

— Есть, — всхлипнуло создание. — Там, налево, с пригорка только спуститься.

— Показывай, — скомандовала, подставив мотыльку раскрытую ладонь. Тот недоверчиво зыркнул зелеными кошачьими глазницами, но все-таки уселся, легким касанием щекоча кожу, такой теплый и волшеббно-живой.

Мне стало стыдно за свой случайный меткий удар. Продравшись через кусты, спустилась к полноводному ручью, смочила платок, поднесла его на ладони к сидящему пареньку и велела:

— Прикладывай к ушибу мокрую ткань, может, и синяка не останется, мы вовремя спохватились.

Постанывая, мотылек послушно следовал моему совету, прижимал к лицу то одну сторону мокрого платка, то другую, а я разглядывала его, и мысли скакали, как белки по деревьям. Ручаюсь, этот мир — не мой, то есть не мой родной. На Земле такие создания точно не водятся. А значит, все еще более увлекательно, чем представлялось вначале! Пожалуй, той отмороженной парочке, которая меня утянула из дома, при встрече следует сказать спасибо... Кстати, о курортных перспективах подумаем потом, сейчас важно другое: если тут такие мотыльки летают, может, и магия имеется. А если она имеется, значит, я могла бы проверить, как тут действуют руны, которые я столь прилежно и тщательно изучала на Земле на протяжении нескольких лет. (Настолько прилежно, насколько при своей беспечности и легкомыслии я вообще была способна что-то делать.) На фига козе баян? Да из чистого интереса к жалким остаткам волшебства, уцелевшим в мире. Вот, например, смогла бы я исцелить это создание, как пробовала врачевать в своем мире синяки (кстати, иногда получалось неплохо!). Сразу вспомнила йод, ватную палочку и старательно выписываемые коричневые рунные знаки... Да, если в этого худосочного мотыля палочкой потыкать... Так и вообще до смерти забить можно... А вот если попробовать представить нужную комбинацию мысленно?.. Как там полагается: УРУС — жизненная сила, ЙЕР — сила земли, СОУЛУ — энергия солнца. Комплекс для врачевания недугов... Знаки запылали у меня перед глазами: *урус* красным, *йер* — зеленым и коричневым, как спелая пшеница, а *соулу* — ослепительным золотом. Триаду знаков я аккуратно совместила с раздутой мордочкой моего больного, в очередной раз склонившего голову на прохладную сторону влажного платка. Тот вздрогнул, вздохнул облегченно и недоверчиво: его лицо стремительно приобрело прежние формы.

— О, прекрасная магева, твое колдовство действует! Никогда бы не подумал, что «компресс» — такое сильное заклятие!

— Я тоже, — хмыкнула я, выжимая платок над текущей водой, в которой рябило мое отражение — симпатичная девчонка с рыжими волосами, россыпью веснушек на вздернутом носу и ореховыми, а если правильно подсветить, то почти зелеными глазами. Вот в этом

ручье мои радужки так и вовсе изумрудами сверкали, хороший ручей, зеркало бы такое. — Ну раз ты полностью здоров, — мотылек довольно закивал, расплываясь в улыбке, — давай познакомимся, а заодно объяснишь, зачем за мной шпионил.

— Я лакомился восхитительной лесной малиной у самого края поляны, на солнце она особенно вкусна, солнечным светом напитана, — объяснил порхающий человечек, — а тут вы, о прекрасная магева.

— Как ты меня называешь? Что еще за магева? — переспросила я, усаживаясь на бережку ручейка на большой камень под размер афедрона (это в Греции, мне один шибко умный парень рассказывал, так зад называли). Задумчиво глянула на платок, а не подсушить ли его магией, в конце концов, *кано* — руна огня, известна, или не рисковать, чтобы не спалить весь лес? Все-таки решила эксперимент отложить.

— Вы дама, владеющая колдовской силой, женщина-маг, стало быть, магева, — как что-то само собой разумеющееся сообщил малец, пожимая плечиками так задорно, точно цыганочку с выходом собрался танцевать.

— Ясно, — уразумела я.

— А посему я предпочел для начала скрыться, вы же обнаружили меня и покарали за догляд. Приношу свои извинения. — Мотылек отвесил церемонный поклон.

— Замяли, любопытство не порок, — спрятав отжатый платок в карман, отмахнулась я свободной рукой, на второй, как на диване, все еще возился мотылек. — Меня зовут Оксана Рой.

— Высокая честь, ты представилась первой. — На подвижной мордочке, несмотря на ее размер, можно было разглядеть все движения души, сейчас на ней было написано почти шоковое удивление. — Но истинное имя магевы не для простых разговоров...

— Друзья-приятели Осой называют, поскольку на язык я острая, — подумав, ответила ему. — Можешь и ты звать, коль в здешних краях магам псевдонимы положены.

Похоже, малютку это предложение вполне устроило. Он кивнул и в свою очередь заявил:

— Меня, о магева, именуют Селвин йе Индолъ ка Фалькоран...

Еще с минуту новый знакомый продолжал перечисление каких-то зубодробительных имен, так что я, парадоксально быстро запоминающая самые заковыристые названия, безнадежно запуталась. Закончив, мотылек вновь изобразил придворный поклон, ну точь-в-точь герой-любовник из какого-нибудь исторического фильма.

— Очень приятно, — пробормотала я и попросила: — А покороче тебя как-нибудь можно называть, дружок?

— Фаль, о прекрасная магева, — урезал марш мальш.

— Слушай, а кто ты есть по... — мозг быстро перебрал параметры: национальность, раса, народ, вид... — из какого народа?

— Дух воздуха, сильф, — с немалым удивлением пояснил себе-седник. — Ты разве не знаешь, Оса? — Почему-то знакомец, именуя меня, сделал ударение на первый слог, но я не стала поправлять, может, так на местный лад лучше звучит.

— Там, откуда я родом, такие, как ты, не водятся, хотя ходят про вас разные сказки, но в моих краях подобных существ именуют эльфами.

— Этими верзилами, — пренебрежительно зафыркал Фаль и расхохотался, повалившись на спину и задрыгав ногами, крыльшки забились так, что, боясь я щекотки, непременно сбросила бы его в ручей.

— С этим тоже пока ясно, — кивнула я и снова задумалась о перспективах.

Итак, если это мир магический и, судя по всему, не особенно развитый, воздух уж больно свеж и чист, какие из моих умений здесь пригодятся, чтобы выжить? Из единоборств знаю только сто первый прием — изматывание противника бегом, да и то надолго меня не хватит, никакой полезной технической информации в памяти не храню, химию и иные науки всегда недолюбливала, так что на дивиденды от изобретений губы можно не раскатывать. Сказок, по-здешнему, наверное, легенд, знаю много, но что от этого толку, если пока под местный колорит их подогнать не могу? Никакими навыками следопытов-разведчиков не обладаю. Вон в ручье столько рыбы, так хвостами и бьет, зараза, но сначала попробуй поймай. А потом не сырем же ее лопать без соли или руной *кано* огонь разжигать? Да, в целом плюс пока один — руны работают, а значит, как-нибудь выкручусь.

— Ну ладно, Фаль, — резюмировала, прихватив шмотки, и, поднявшись на ноги, предложила: — Давай, что ли, к малине вернемся.

За совместной трапезой можно многое выудить из болтливой мотылька (как-то язык не поворачивался называть его духом, созданием бесплотным и возвышенным). Такой подход к делу сильфу пришелся по вкусу. Мы вернулись к краю полянки и принялись с энтузиазмом обдирать россыпь спелых ягод с кустов. Когда еще поесть доведется — неизвестно, так что перекусить не вредно будет.

— А с какой целью, магева Оса, — спросил порхающий приятель, — прибыли в Лиомастрию?

— Понятия не имею, меня тут оставили, а почему и зачем, никто не объяснил, — пожалала я плечами, сунув в рот горсть малины. — Так что, можно сказать, я в свободном полете.

— А... — Мотылек слопал еще пяток ягод (как только они в него влезли?), робко перепорхнул ближе к моему уху и, набрав в грудь воздуха, выпалил: — Могу ли я путешествовать с тобой, о, Оса?

Масштабы любопытства моего нового приятеля, как и его непомерный аппетит, явно не соответствовали размерам тщедушного тела. Впрочем, тело, хоть и маленькое, было вполне справным

и милым, личико очень симпатичным: золотисто-рыжие, очень яркие вьющиеся волосы, веснушки, сияющие зеленые глазищи в поллица, а уж от переливающихся на солнце крыльев и вовсе глаз было не оторвать.

— Пойдем, — беспечно пожала плечами. Местный, хоть и мелкий, все лучше, чем ничего.

Накушавшись, закинула на плечо куртку и сумку, Фаль устроился на свободном плече и стал облизывать красную от ягод физиономию и ладошки. Язычок мелькал быстро, как у кошки, да и глаза поблескивали точно так же, лениво-настороженно.

— На дорогу в какую сторону? — уточнила я.

— Налево. — Сильф махнул рукой в нужном направлении.

Через семь минут, следуя указке проводника, выбралась на самую обычную деревенскую дорогу, только что в колеях не было отпечатков шин. Поле колыхалось начинавшими поспевать зерновыми, рожь ли, пшеница, не знаю, не сельская девочка, а ботанику, как уже упоминала, забыла. Было довольно жарко, навскидку — градусов двадцать пять. Черная куртка на плече моментально раскалилась. Да, легкий ветерок не помешал бы, однако вызывать его пока погодим, вдруг бурю наколдую? Так меня же эти сеятели из-под земли достанут, чтоб «спасибо» сказать. Я бы на их месте точно достала, такое поле засеять, и чтоб потом все труды прахом пошли из-за какой-то экспериментаторши недоученной? Магева там я или не магева, а пока телепортироваться не умею и бегаю плохо, лучше ничего не творить. Кроме того, ошпаренных меньше, чем обмороженных, и кто-то совсем недавно мечтал о тепле. Получила, вот и наслаждайся, не сетуй!

— Жарко, — вздохнула я и, поглядев на пыльную обочину, в очередной раз мысленно порадовалась, что тапки на мне оказались не совсем чтобы домашние, а так, что-то вроде теннисок из плотного текстиля. Во всяком случае, по сухой дороге идти можно. Но в дождь было бы хреново. — Надо какую-то обувь поудобнее раздобыть на случай ненастья.

— Большое село недалеко, там несколько лавок есть, — снова дал своевременную справку Фаль.

— Неужто за покупками летал? — удивилась я произвольно.

— Нет, — нимало не смутился дух, — в одной лавке сладостями торгуют, вкусны-ы-е... но обувь людскую тоже видел, в соседней.

— Ясно, — ухмыльнулась я понятливо. Маленький любопытный воришка нравился мне все больше и больше, бывает же так, что к кому-то чувствуешь симпатию против воли, а не за то, что благородный, добрый и так далее. Рядом с благородными и самой как-то не всегда удобно бывает, сравниваешь, и чувство неполноценности возникает. — Денег у меня местных, правда, нет, но поглядим, может, удастся заработать.

Скрип приближающейся телеги отвлек от беседы.

— Не подвезти ли тебя, магева? — прогудел густым басом знатно бородатый, кряжистый возчик в нарядной светло-синей рубахе с ко-сым воротом и серых штанах на кожаном поясе.

— Ты-то, понятно, дружок, все с ходу сечешь, но почему он меня так обозвал? — задумчиво обратилась я к духу.

— Так ты ж по дороге идешь пустой и с кем-то беседуешь, да и одежда на тебе странная, все маги, да и магевы, так одежду вы-брать стараются, чтоб ни на кого похоже не было, — пожал плечами Фаль. — Вот и чувят вас люди.

— Это что выходит, тебя они не видят? — осенило меня.

— Ну да, Оса, — согласился мотылек. — Для тонкого мира глаз особый нужен.

— Подвези, — обернулась я к придерживающему смирную ло-шадку широкоплечему вознице, который дожидался конца нашего диалога, и забралась на телегу. Все тапки целее будут, да и по дороге такой лучше ехать, чем идти, не авто на бензине, не укачает.

— Я Оса, — представилась опять первой, воспользовавшись но-вым псевдонимом.

— Торин, почтенная магева, — отозвался мужик, покосившись на меня из-под кустистых бровей.

— Из гномов, что ли? — почему-то первым делом вырвался у меня вопрос.

— Да, были в роду, — гордо согласился мужчина, приосанив-шись. — Надолго в наши края?

— Еще не знаю, — пожалла плечами, — как карта ляжет. А что, так любопытствуешь, или интерес есть?

— Давно не забредали, а в магах всегда нужда същется, — под-твердил возчик, — если б подмогла чуток, мы б по совести отблага-дали, как заведено!

— Договоримся, — думая о сапогах или каких-нибудь ботинках, охотно согласилась я.

Как раз в тот момент телега подпрыгнула и ударилась колесом о массивный камень, раздался какой-то нехороший треск, и, соско-чив с оси, колесо во всю прыть устремилось в ближайшие сочные заросли. Что-то чавкнуло. Лошадь повернула голову, покосилась на сломанную телегу и совершенно по-человечески вздохнула.

— Н-да, запаски, как я понимаю, у тебя нет, — констатировала, соскакивая с заваливающегося набора средства передвижения.

— А ведь проверял, как от шурина ехать, — охнул мужик, дер-нув себя за бороду, — что ж теперь делать?

— Доставать! — пожалла я плечами.

— Так болото же, — жалобно протянул потомок гномов и с на-деждой уставился на меня, — а может, ты, того, поволшебствуешь малость, я в долгу не останусь!

Где-то читала, что плотность тела у гномов куда выше челове-ческой, потому и жрут они больше и плавают, как топор, в смысле,

бултых — и на дне. Читала, конечно, в сказках, но рациональное зерно в рассуждениях авторов, никогда не видевших гномов воочию, похоже, было. Во всяком случае, мой осмотнительный возница был готов тащить на себе телегу и лошадь, только бы не соваться в болото. Я же, хоть и умела неплохо плавать, заниматься этим в болоте никогда не пробовала и пробовать не собиралась (впечатлительной девушке запали в душу мещерские рассказы). Словом, тонуть в болоте во цвете лет никакого резона не было, а вот если... Что ж, назвалась магаевой, давай, волшебствуй!

— У тебя веревка прочная есть? — спросила я.

— Вот. — Изрядный моток весьма добротной на вид бечевы, извлеченный из каких-то мешочков, был тут же с готовностью предъявлен мне.

— Отлично! — обрадовалась находке. — Фаль, дружок, поможешь?

— Чем? Я колеса не уволоку! — заканючил дух.

— Да и не надо, веревку к нему привяжи, только понадежнее, а мы уж вытянем!

— Так можно! Узлы люблю вязать! — оживился, почувяв забаву, малютка.

Конец веревки я торжественно вручила сильфу и начала аккуратно разматывать моток. Фаль опоясался бечевой и исчез в осоках и тростниках. Кажется, тут и впрямь знатное болото. Торин с благоговением наблюдал за нашими манипуляциями, шепча в бороду:

— Эвон как! Надо ж...

— Готово! — Дух быстро вернулся и завис перед моим лицом, рапортуя так гордо, что только руку к голове оставалось приставить, отдавая честь.

— Спасибо, дружок, — поблагодарила я и велела, всучив конец бечевы в опасливо протянутые руки крестьянина: — Тяни! Вызволяй свое колесо!

Торин крякнул и дернул что было сил. Что-то звучно чавкнуло, и колесо выпрыгнуло из осоки, разбрызгивая воду (ладно хоть не грязь!). Возчик осмотрел возвращенное имущество и за несколько минут, пока мы с Фалем изучали окрестности болота, сумел присобачить его назад, закрепив каким-то макармом, чтоб до деревни додюжило.

Мы снова заняли свои места и минут за пятнадцать, под речь Торина, ровно гудящего хвалу моим выдающимся способностям, добрались до села. Ничего, ладные домишки, бревенчатые. Фундаменты даже кое-где каменные, кровля глиняная — черепица, встречаются бревенчатые скаты; живность сытая, довольная, куры носятся, гуси гогочут, козы блеют. Да и народец, что глазами телегу провожает, отнюдь не худой. Может, и правда сапоги здесь купить удастся.

— Как село-то зовется? — поинтересовалась я лениво.